

Грибница новых слов: лексикологические и этимологические заметки по севернорусской миконимии*

Е. Л. Березович

Уральский федеральный университет
(Екатеринбург, Россия)

Роль миконимии в русской диалектной лексике трудно переоценить: она определяется, в первую очередь, экстралингвистически — высокой значимостью грибов в народном рационе (особенно на северных территориях) и давними традициями собирательства, уникальными свойствами реалии — ярким и чрезвычайно разнообразным внешним видом (нередко воспринимающимся как антропоморфный), особенностями произрастания, что дает изрядную степень «мифологичности» этой реалии как знака символического языка культуры, а также экспрессией ее восприятия. Все это обуславливает номинативную специфику миконимов: множественность имен, богатое сочетание архаичных моделей и новаций, трудную для интерпретации метафорику в сплетении с иными путями развития значений. Для лингвиста-полевика названия грибов — одна из самых благодатных тем при сборе: практически невозможно представить себе такого информанта из числа носителей диалекта, который не знал бы хоть несколько миконимов, — неслучайно эта тема используется часто, чтобы «разговорить» собеседника. Более того, вследствие взаимодействия традиционных социумов друг с другом, а также деревенской культуры с городской «репертуар» грибов и обслуживающий его миконимикон пополняется со временем (хоть и весьма медленно). Несмотря на большое количество миконимических исследований, у нас до сих пор нет сколь бы то ни было полного макротерриториального словаря названий грибов, а многие названия не получили своей этимологической и мотивологической трактовки.

В этих заметках будет представлен новый материал, собранный сотрудниками Топонимической экспедиции (далее — ТЭ) Уральского университета в ходе полевых исследований в Костромской области и Беломорье.

* Автор сердечно благодарит И. И. Муллонен за помощь в работе над статьей.

Речь идет либо о вновь записанных словах, не отраженных в существующих словарях, либо о тех фактах, фиксации которых ранее были единичны и противоречивы, а теперь оказались верифицированными. Для всех анализируемых лексем предлагается этимологическая или ономаσιологическая интерпретация. Характер материала отчасти сказался на композиции статьи, напоминающей грибницу: несколько слов, формирующих внутренние заголовки частей работы, ведут нас дальше, к своим разнообразным лексическим связям.

Калеганы и другие козляки

Миконим *калегán* отсутствует во всех известных нам источниках по русской диалектной лексике. Слово записано сотрудниками ТЭ только в одной зоне — в Кологривском районе Костромской области (в центральной и южной частях района). Несмотря на узкий ареал, оно фиксируется устойчиво (около 20 записей в разных населенных пунктах). Приведем довольно представительную выборку полевых контекстов (учитывая отсутствие словарных фиксаций этой лексемы): «Калеганы на тонкой ножке, соплей нет у их, как на маслятах. Зовём ешшо шшелкунцы, шубники. В селянку хорошо их. Они малодушные <тонкие>, мостами <скоплениями> в Баринцево росли» (Баринцево); «Калеганы мы берём: эти грибы можно мариновать. Они некрупные, растут семейками, снизу у них пуховочка, по форме как подосиновики, цвет — желтовато-серый, а отваришь — серовато-фиолетовые» (Вяльцево); «Калеганы на тоненькой ножке, жёлтенькие, то же, что шшелкунцы» (Тодино); «О щелкунцах слышал, но по-нашему они калеганы. Он как маслёнок, только у маслёнка снимается шкурка сверху, а у этих нет. Когда варят их, они темнеют, сиреневыми становятся. Сами по себе они жёлто-оранжевые. Щелкунцы вдоль дорог растут. Их маринуют и сушат» (Кологрив); «Калеганы шубниками зовут, под шляпкой у них такое как мохнатое» (Суховерхово); «Шубенки как замша. Калеганы ешшо звали, шшелкунцы. Обламываешь — а они шшолкают. Мариновать их» (Починок); «Калеган я гриб у нас слышал, есть такой гриб, да только он никуда не годный. Не собирали у нас калеганы, собирали чилики, боровики, масленики» (Малая Чежма); «Калеган — это название у нас есть, но мы калеганы не собираем. Для меня это поганка» (Тодино); «Калеганы были. Калеганы они с розовыми шляпками, шляпка гладкая, внутри трубчатые, при разрезе чуть синеют, их чистить не надо. Если вымоешь или отваришь, будет коричневый оттенок» (Кологрив).

Судя по контекстам и внешнему виду реалии, ее надо определить как *‘гриб **Suillus bovinus**, козляк’*. Микологические описания [Горленко и др. 1980: 149–150; ЖР: 269–270 и др.] позволяют выделить следующие признаки

этих грибов: ■ трубчатый (губчатый) гриб; ■ растет в хвойных лесах, преимущественно сосновых, во влажных местах, у дорог; ■ сходен с моховиками и маслятами, отличается от них крупными порами на нижней стороне шляпки; ■ шляпка не чистится; ■ мякоть на изломе слабо розовеет; ■ ножка тонкая, нередко изогнута; ■ растет семейками (*мостами*); ■ съедобен, но считается малоценным (4 категория); ■ его варят, сушат, маринуют, при варке гриб приобретает вишнево-фиолетовый цвет; ■ собирают в августе и сентябре. Эти признаки в целом соответствуют описаниям, данным информантами.

Как видно из контекстов, козялки, кроме названия *калеганы*, имеют в Кологривском районе еще два имени, тоже не отмеченных, кажется, словарями: *шубники* (*шубенки*) — по крупнопористой «мохнатой» поверхности шляпки с нижней стороны¹; *щелкунцы* — по признаку «щелканья» ножки при сборе².

В диалектных словарях фиксируются слова, которые на синхронном уровне омонимичны обозначениям грибов (с учетом возможных фонетических вариантов). Рассмотрим их, поскольку омонимия может быть гомогенной, а семантически эти лексемы имеют четко выделяемую доминанту, о которой далее. Речь идет о следующих лексических единицах: *каляган* влг. ‘долговязый, долгоногий человек’ (с вопросом к слову) [Даль, 2: 196; СРНГ, 13: 11]; яросл. ‘бойкий шаловливый ребенок’: «Такой каляган, никому не справиться [ЯОС, 5: 17]; влад. *каляган* ‘человек с голыми ногами’, *каляган беспорточный* ‘так дразнят маленьких ребят, которые ходят без штанов’ [СРНГ, 13: 11]; перм. *калеган* ‘<вьюн> (?)’ [Там же, 12: 348].

Большую ясность в рисуемую картину вносят глаголы, которые в смысловом отношении делятся на две группы:

■ обозначения движений младенца, который сучит ножками и ручками, ср. влг. *калеганить*, *калеганиться*, *каляганиться* ‘лежа, беспокойно двигать ногами в разные стороны’: «Ребёнок калеганится — лежит, руками-ногами

¹ Ср. специальное обозначение этой пористой поверхности у козялков и близких грибов — селигер. *сетевіце* ‘нижняя пористая часть шляпки некоторых грибов’: «А ещё грибы собирали, я их всё “козялки” называю; сетевіце у их светлое, мягкое» [Селигер, 7: 64]; это слово перекликается с такими названиями козялков и моховиков, как иркут., перм. *решётник*, без указ. м. *решетняк* [СРНГ, 35: 89; Смирняков и др. 1992: 51], пск. *ситник*, *подрешётник*, *подрешётник*: «Падришотники такыя ситаватыи» [Кузьмина 2002: 89], влг. *ситовик*: «Ситовик — гриб не особо крупного размера, а под шляпкой ноздреватое такое, как сетка, тонкий, ножки тонкие» [КСГРС] и т. п.

² Есть вероятность, что мотивационной параллелью служит вят. *хрустіюшка* ‘гриб валуи’ [СРНГ, 52: 92], хотя это название может реализовать тот же признак, что и многочисленные грибные *скрипуны*, *скрипицы* и т. п.

дрыгает, руки-ноги сами по себе всё дрыгаются» [Дилакторский 2006: 187; Вологодское словечко: 103; СВГ, 3: 34; СГРС/Д: 419; СРНГ, 12: 348]; яросл. *калягáниться*, *колягáниться*, *колегáниться* ‘сучить ногами и руками (о младенце)’: «Лежит в люльке и каляганится» [ЯОС, 5: 15];

▪ обозначения капризного поведения (обычно детского), ср. моск., свердл., яросл. *калегáниться* ‘упрямиться, капризничать, ломаться (о детях)’: «Хватит калеганиться, пора спать» (яросл.) [СРНГ, 12: 348; ЯОС, 5: 15]; свердл. *закалегáниться* ‘закапризничать’: «Закалеганица невеста, дак силом отдадут» [СРГСУ/Д: 173]; свердл. *покалегáниться* ‘покапризничать, поупрямиться’: «Покалеганься-ко у меня еще!» [СРГСУ, 2: 11; 4: 74]; яросл. *раскалегáниться* ‘раскапризничаться (о детях)’: «Ты чего раскалеганилась?» [ЯОС, 8: 120]³. Здесь ясный семантический переход на базе значений первой группы: капризное поведение может сопровождаться «сучением» конечностей, а если физически не сопровождается, то воспринимается как «ломание».

Вероятно, в ряд сопоставлений следует включить слова с теми же значениями, но без предполагаемого суффикса *-ан-*: костр. *калягáться*, *калягóшиться* ‘дергаться, постоянно двигаться, сучить ножками (обычно о ребенке)’, *калягóшка* ‘о неспеленутом ребенке, шевелящем руками и ногами’: «Калягошка — лежит и руками-ногами дрыгат, калягошится» [ЛКТЭ]; *каля́житься* влад. ‘кривляться, ломаться’, орл. ‘упрямиться, заставляя себя просить о чем-л., кочевряжиться» [СРНГ, 13: 11]. Сюда же хочется привлечь экспрессивные обозначения ног (реже рук): яросл. *каля́га* ‘груб. нога’: «Что каляги голые выставили, бесстыжие рожи!», «Ой, каляги-то как болят, мочи нету» [ЯОС/Д, 1: 292; ЯОС, 5: 17]; костр. *ка́леги*, *каля́ги* ‘экспр. ноги (обычно неуклюжие); реже руки’: «Неровные-ти ноги бывают, как калеги», «Ну у тебя и каляги! Ноги не ходят, кости плохие», «Каляги-то убери», «Чего ты калеги свои растянул» [ЛКТЭ]; вят. *каля́га* ‘«коленко» <так! — Е. Б.>’: «У, калягу зашибла!» [ОСВГ, 5: 20].

Итак, все эти слова объединены признаком беспорядочных, неловких движений ног. Это позволяет считать их продолжениями праслав. **legati se* ‘лягаться, колыхаться, качаться, вихляться и т. п.’, ср. слов. *lengat’ (sa)* ‘болтаться, качаться’, рус. *лягати* ‘лягать’, *лягáть* ‘бить ногой, ногами’, диал. ряз. и др. ‘драться’, олон. ‘отталкивать’, твер. ‘качать из стороны в сторону’, *лягáться* печор. ‘двигать взад и вперед, сучить (ногами)’, ленингр. ‘биться

³ Другие (единично отмеченные) значения глаголов легко выводятся из уже приведенных, ср. оренб. *колегáниться* ‘болеть’: «Дома поделаешь немного и то колеганишься» [Малеча, 2: 215], яросл. *колягáниться* ‘долго одеваться, собираясь куда-либо» [ЯОС, 5: 15], перм. *калягáнить* ‘хулиганить» [СРНГ, 13: 11].

(в судорогах, конвульсиях и т. п.', влг., арх. 'шевелиться', блр. *лігацца* 'брыкацца' и т. п. [ЭССЯ, 15: 54]; от этого глагола образовано **lega*, ср. рус. диал. *ляга* 'бедро, ляжка', 'лягушка' и др. [Там же: 53]. Архаичный префикс *ka-* имеет, как известно, экспрессивный характер (см. [Петлева 1996; Бјелетић 2006]). Слово *кале(я)ган* 'долговязый человек', 'бойкий ребенок' и др. надо считать образованием с суффиксом *-ан-* в ряду *лобан*, *губан*, *пузан* и проч. (суффикс в данном случае указывает на «гиперболизированность» какой-либо части тела).

Встает вопрос о том, проецируется ли это на происхождение миконима *калеган*. Думается, да. В описаниях козляков нередко говорится о том, что их ножки бывают изогнуты; это усиливается в том случае, когда грибы растут семейками (что типично для козляков), и их ножки не имеют достаточного пространства для самостоятельного развития, отчего, конечно, изгибаются.

Более того, этот признак, по мнению Л. А. Пермяковой, можно рассматривать как мотивирующий для основного названия гриба в русском языке — *козляк*: «К роду маслеников относится и гриб *козляк*, у которого ножка сужена книзу, часто согнута, очевидно, это стало причиной появления номинаций по модели 'животное' → 'гриб'» [Пермякова 2012: 83]⁴. Но *козляки* в разных говорах имеют и другие «животные» обозначения: это позволило Е. А. Нефедовой считать, что в основу их обозначений положен признак «ассоциативного сходства с домашним животным», ср., помимо «козлиных», архангельские названия типа *овечага*, *басенька* (арх. 'овца'), *коровник* и др. [Нефедова 2002: 99]⁵. В то же время *козляк* может соотноситься с названиями не только домашних животных, но и диких, ср. арх. *олэней гриб* 'гриб козляк' [АОС, 10: 51; 13: 292], мурман. *олэний гриб* 'то же' [КСГРС]. С другой стороны, «животная» метафора иногда получает иную конкретизацию, чем мы «читаем»: нем. *Ziegenlippe* <козья губа> 'козляк' актуализирует вовсе не признак изогнутой ноги козленка; носители белорусских говоров объясняют миконим *каза* тем, что «kozy з пудодна такіе, як на казе шэрсць, а зверху репеховатые», «Бараду у казы с-пад нізу трэба шчысціць нажом, а верх зрэзаць да мяска і атварыць» [ЭСБМ, 4: 48].

Вопрос о том, как работает переход «животное» → «гриб», очень сложен и требует выстраивания больших рядов сопоставлений (номинация различных грибов в разных языках и диалектах), поскольку модель является очень широкой и архаичной. Наряду с метафорой (особо вероятной в случаях типа

⁴ Если эта метафора и имела место, то, возможно, здесь предполагается не столько форма ноги животного «в статике», сколько «в динамике», в движении.

⁵ Добавим, что «коровья» (точнее, «бычья») связь закреплена в самом латинском обозначении гриба — *Suillus bovinus* <масленок бычий>.

лисичка или *Ziegenlippe*), «животные» названия можно читать как указания на малую ценность или несъедобность гриба для человека⁶, — скорее, он съедобен для животных (см. об этом [Меркулова 1967: 157–158]⁷). В любом случае слово *козляк* вряд ли стоит объяснять сходством с ножкой козленка, но для *калегана* мотивировка признаком изогнутости ножки гриба весьма вероятна.

Сказанное выше позволяет включить в изучаемое гнездо еще несколько слов: ■ обозначения изогнутых корней или ветвей дерева — арх. *калега* ‘ветвистое дерево’ [СГРС, 5: 31], влг. *каляжсина* ‘толстый полусгнивший обрубок дерева’, ‘вывороченное с корнем дерево, коряга’ [СРНГ, 13: 11]⁸; ■ названия быстро и «неровно»двигающихся мальков рыб — новг. *каляга* ‘малек уклейки, малек сопы, мелкая рыба’ [НОС: 363], новг. *каляжсина* ‘мальки рыбы уклейки’ [СРНГ, 13: 11], ср. приведенное выше перм. *калеган* ‘«вьюн» (?)’⁹; ■ в бранном употреблении — тобол. *Чтоб тебя каляжило* <= корчило> ‘бранное выражение’, калуж. *каляга* ‘бранный окрик по отношению к лошади’ [Там же]. Отметим, что на смысловое развитие изучаемого комплекса слов могут влиять процессы в морфо-семантическом поле. Среди возможных актантов взаимодействий следует назвать слова типа литер. *калека*¹⁰, диал. *калиги*, *калиги* влг., влад. ‘башмаки’, влг. ‘обувь для покойника’, вят. ‘домашняя обувь из бересты’ и др. [Там же, 12: 353]¹¹. Результатом контаминационных процессов могут быть, к примеру, такие слова, как мурман. *каляга* ‘человек в несуразной обуви’ [КСГРС], влад. *каляга* ‘калека безногий, лишенный способности двигаться’, ‘о ребенке, который долго не может ходить’ [СРНГ; Опыт/Д: 76], пск. *каляга* ‘калека’ [ПОС, 13: 429].

Очевидно, в группу анализируемых слов следует ввести и фамилии *Калеганов*, *Колеганов*, *Каляганов* и проч. (они фиксируются вполне устойчиво: так, среди пользователей сети «ВКонтакте» можно насчитать 135 человек по фамилии *Калеганов*). Думается, что для носителя фамилии наиболее вероятна производность от прозвища или слова *калеган*, которое обозначает долговязого человека, «брыкающегося» ребенка и т. п.

⁶ Показательно укр. диал. *козляки* ‘любые съедобные грибы, кроме белых’ [ЕСУМ, 2: 496–497].

⁷ Ср. также суждение В. Н. Топорова, объясняющего нем. *Kuhpilz* как «гриб, который едят коровы, т. е. несъедобный для человека» [Топоров 2004: 762].

⁸ По мнению С. А. Мызникова, вряд ли связано с вепс. *kal't'ak* ‘обрубок жерди и т. п.’, скорее всего, вариант от *каряжсина* [Мызников РДЭС: 237].

⁹ Как указывает С. А. Мызников, вряд ли связано с приб.-фин. *kala* ‘рыба’ [Мызников РДЭС: 237].

¹⁰ Из тур.-перс. *kalak* ‘изуродованный, обезображенный’ [Фасмер, 2: 166].

¹¹ Из ср.-греч. *καλῆρι(ον)*, *καλῆρα* ‘башмак’, от лат. *caliga* ‘полусапожек’ [Фасмер, 2: 167].

Атауры и корейские опята

В говорах Солигаличского района Костромской области сотрудники ТЭ записали слово *атаур* (*отаур*, *отоур*) 'гриб *Armillariella mellea*, опенок осенний; любой опенок': «Весной растут опята, а осенью — атауры, у них ножка потолще и повыше» (Шунино), «Отоуры в деревне, а в книгах осенние опята. Отоуры мостам растут» (Пензино), «Атауры опятки зимние, их надо хорошо готовить» (Федьково), «Бывают летние опята, бывают атауры» (Княжево), «Атауры — это осенние, а весенние простые» (Попово), «Отоурами зовутся осенние опята, а весенние — те просто опята» (Чепасово), «Урюпа есть такая, раньше сухари росли, опята весенние, а осенние — атауры» (Клепиково), «Раньше не брали отауров, а недавно осенью стали их брать и сушить» (Денисово), «Атауры весенние и осенние бывают, опята это, бывают ржаные опята, они мучнистые сверху» (Княжево), «Атауры — самые вкусные опята» (Жилино), «В том-то году на лесозаготовках атауров-то сколь было» (Ескино), «Отауров в лесу полно» (Горбово), «Отоуры солить надо, отваривать, кругленькие, ромбические, вороночкой» (Княжево).

Слово, кажется, не фиксируется ни в каких словарях. Вообще, надо отметить, что, несмотря на широчайшую известность опят и их названий, последние не отличаются большим разнообразием. Наиболее представительный (но далеко не исчерпывающий) перечень наименований опят дан в [Вендина 2009]: это комментарий к карте № 195 Опенок «Лексического атласа русских народных говоров» в [ЛАРНГ, 1: 640–645]. Приведенный перечень показывает, что в номинативном отношении перед нами преимущественно «монопризнаковый» денотат: большинство имен (особенно осенних опят) — фонетические и словообразовательные вариации слова *опёнок*, продолжающего **обрълькъ* (образование с суф. -*ькъ*, скорее всего, на базе словосочетания **ob rьль* 'вокруг пня' [ЭССЯ, 29: 55–56]). Действительно, особенности произрастания опят — ярчайший и во многом уникальный для традиционного сознания признак, поскольку на дереве обычно растут паразиты (к которым микология относит, разумеется, и опят). Думается, место произрастания вкупе с трудностью дифференциации опят (различения съедобных и ложных — смертельно ядовитых — разновидностей) обусловили весьма неоднозначное отношение к ним со стороны «наивных» грибников: несмотря на их высокие вкусовые качества¹² и множественность, эти грибы далеко не всюду и не всегда собирают и собирали. В ряде мест их относят

¹² «Опенок — самый вкусный гриб в жареном виде и в супах из всех пластинчатых грибов, кроме рыжика, и самый вкусный в маринаде и засоле после рыжиков и груздей. Используют свежесваренным и жареным, маринованным, соленым, сушеным и консервированным» [Смирняков и др. 1992: 61].

к поганкам, что выражается и в номинациях¹³, и в контекстах¹⁴; в дореволюционное время они могли считаться пищей бедняков: «Вкус кисловатый, запах особенно несвежих этих опёнков и при варении приторный, но простолюдинам часто служат пищею» [Горянинов 1848: 114].

Как уже говорилось, Костромской край (как и многие другие области России, особенно северные) известен большой ролью грибов в рационе, поэтому в ряде районов опятами не пренебрегали, но стояла задача, разумеется, выделить съедобные разновидности на фоне несъедобных. Один из ярких дифференциальных признаков — наличие кольца на ножке, ср. описание в микологическом источнике: «Ножка длиной до 15 см, толщиной 1–2 см, цилиндрическая, книзу немного утолщенная, плотная, упругая, с перепончатым белым кольцом» [Смирняков и др. 1992: 60–61]. Этот признак включают в «ориентировочный ключ», помогающий отличить съедобные опята от несъедобных [Орлов 1953: 260] (у несъедобных кольца нет). Указанное обстоятельство знакомо носителям традиции, ср.: томск. «У съедобных опят она <шляпка> тоненькая, а под шляпочкой как всё равно зонтик надетый, значит, это съедобный, а если чистый этот стебелёк — значит несъедобный» [ВС, 4: 245–246], ср.-приоб. «У опёнка настоящего есть на стебле как перехватка под шляпкой, а у ложных нету, они ложные ядовитые» [Арьянова 2007: 66], ср.-приоб. «Опёнки есь ложные. Они просто растут, не обязательно, что на пне. Под вид настоящих они. Настоящие, натуральные, они вроде как шнурочком перевязанные» [СОСВ: 301], без указ. м. «У съедобных опёнок на ноге кольцо из пелёнок, а у ложных опят ноги голые до пят <примета>» [Сенк-Шеленгевич 2009: 189]. Значимость указанного признака подчеркивается выбором его в качестве мотивирующего для латинского номенклатурного названия гриба: «Родовое название другого распространенного гриба — *опенок* (*Armillariella*) происходит от слова *armilla* — браслет, что указывает на наличие кольца на ножке. Представитель этого рода — *осенний опенок* (*Armillariella mellea*) — широко распространен в СССР» [ЖР: 274]. Для дифференциации видов есть и латинское название с отрицательной приставкой — *Desarmillaria tabescens* <бескольцевой опенок> [Саркина 2018: 338].

Вернемся к *атаурам*. Сказанное позволяет предложить для этого слова «кольцевую» = «поясную» **мотивацию**, привлекая в качестве производящей лексему *татаур*. Это слово отмечается словарями с XIV в., ср. *татаур*

¹³ Ср. новг. *погáнька* ‘гриб опенок’, арх., влг. *погáнка* ‘то же’ [СРНГ, 27: 287, 289], арх. *опёнки* ‘любые несъедобные грибы’ [Там же, 23: 249] и т. п.

¹⁴ Ср. арх. «Мы опёнки веком не берём», «Опёнышы йесть, на них не глядят» [Нефедова 1997: 129], иван. «Отец твой опят каждую осень ведрами нанашивает. А всё и съедаете? Чай, выбрасываете половину? Куда такой мусор нужен!» [Жмурко 2001: 45] и др.

‘широкий пояс, обычно кожаный; пояс священников, монахов’ (с 1389 г.), ‘ремень, при помощи которого язык прикреплялся к колоколу’ (1655 г.) [СлРЯ XI–XVII, 29: 221], в том числе в народно-разговорной речи: томск. *татаур* (*мотаур*) ‘пояс, ремень’ (XVII в.) [СРРТ: 281]. В словарях литературного языка оно отсутствует, но в говорах представлено: *татаур* влг. ‘кнут, плетка’, влг., дон. ‘широкий пояс’, дон. ‘ременная пряжка без шпенька’, без указ. м. ‘верхняя подпруга в конской упряжи’, ‘ремень, которым язык привязан к колоколу’ [СРНГ, 43: 308]; ср. также вариант с дистантной регрессивной диссимилиацией *тм* → *кт*: *катаур*, *котаур* ‘верхняя подпруга в конской упряжи; чересседельник’, астрах., казаки-некрасовцы ‘ременный пояс; мужской пояс; широкой пояс на подрыснике’ [Там же, 13: 125–126]. Это «старое заимствование из монг., ср. п.-монг. *tata-yur*, калм. *tatūr* ‘весло’, ‘подпруга, вожжи’ — от п.-монг. *tata-*, калм. *tat-* ‘натягивать, тянуть, тащить» [Аникин 2003: 601].

В костромских говорах слово *татаур* не отмечено, но, во-первых, оно есть в соседних вологодских; во-вторых, судя по свидетельствам исторических словарей, явно было распространено шире, чем это фиксируют поздние диалектные записи; в-третьих, в костромской лексике наличествует вариант *таур* ‘пояс’, который привлекается информантом для объяснения ойконима *Татаурово*: «Из Горжениново отличившимся давали такой пояс — таур, этот пояс позволял им там взять землю, отсюда и название Татаурово» [ЛКТЭ]. Увы, контекст единичен, хоть и очень интересен (и указывает на какую-то особую семиотическую значимость пояса), но в любом случае связка *таур* — *Татаурово* говорит о былом наличии интересующего нас слова в костромских говорах.

Что касается фонетики и словообразования, то здесь надо сделать два комментария. Во-первых, переход *татаур* (*катаур*) → *атаур* объясняется известной говорам утратой согласного в анлауте, ср. *лаборантка* → *аборантка*, *ватага* → *атага*, *варшавка* → *аршавка*, **гамбурка* (*гамбургская сельдь*) → *анбурка* и т. п. [Михайлова 2014: 14, 16, 18, 21]. Во-вторых, реализации бессуффиксальной словообразовательной модели, хоть нечасто, но встречаются среди метафорических наименований грибов, ср. *бабье ухо* ‘разновидность волнушек или рыжиков’, *табак* (*дедушкин табак*) ‘дождевик’, *карасик* ‘подосиновик’ и др.

В ходе предварительных обсуждений материалов, излагаемых в этой статье, нам было предложено иное прочтение «поясной» мотивации (которая сама по себе выглядит высоковероятной): *татаур* — обозначение не пояса на ножке гриба, а способа произрастания грибов, «опоясывающих» пенёк, ср. **обръпкъ* < **обръпъ* ‘вокруг пня’. Не отрицая возможности такого мотивационного поворота, выскажем все-таки сомнения. Во-первых, в этом случае

у слова появилось бы, как нам представляется, какое-либо префиксальное или суффиксальное оформление. Во-вторых, наличие пояса, как доказывалось выше, — особо весомый для опенка признак. Если говорить о способе произрастания грибов, то это, несомненно, тоже очень важно, но данные других русских диалектов и славянских языков свидетельствуют о том, что, помимо кольцевого расположения, значим более общий признак «смежности» с пнем, ср. образования с приставками **pod-*, **pri-*, а также бесприставочные: рус. диал. *пенёк*, *пёнка*, *пенёчник*, *подпёнок*, укр. *підпеньок*, *впеньок*, *припеньок*, польск. *podpieńki*, словц. *рђовка*, *podрђовка*, болг. *пънчушка*, *припънка* и др. В-третьих, внутренняя форма латинского названия гриба, о котором говорилось выше, — «имеющий браслет» (*Armillariella*), на что указывает суффикс *-ari-* со значением отношения или принадлежности (иначе говоря, браслет видится «надетым» на гриб, а не на пенёк).

Наконец, следует сказать о слове, где, кажется, выступает еще один вариант признака «связки». Речь идет о костр. *гужовики* 'осенние опята': «Гужовики вёдрами носят, так-то много их», «Гужовиков нынче разрослось, богатая осень» [Ганцовская 2015: 83]. Скорее всего, здесь актуализирована особенность произрастания *гужом* — вереницей, во множестве¹⁵, а это наречие производно от *гуж*, обозначающего разного рода веревки.

Перейдем к соседям *атауров* — **корейским опятам**. Сочетание *корейский опёнок* 'опенок осенний' записано в Чухломском и соседнем Солигаличском районах Костромской области. Большинство контекстов — чухломские: «Опята бывают летние и корейские. Летние — они праськие» (Федьково); «Корейские опята — осенние опята, они более плотные, потемнее, чем весенние» (Носово); «Корейские опята — они всю ольху увешивают. Они осенью, это осенние опята» (Григорьевское); «Опята весной рано растут, весенние-то опята, а осенью — корейские опята, корейские уж до снега растут. Молодое-то поколение уж не знают, какие это корейские опята, это давнишнее очень слово. Корейские растут от комля до самой вершины, их кто собирает, кто нет» (Луковцино); «Весенние опята — самые вкусные, а осенью называли почему-то корейские. Они растут долго, до зимы и не червивеют. Их сушили и солили, они вообще-то тоже вкусные» (Мироханово); «Корейские опята — это осенние опята пятнышками, их очень много родится, крапинки на них. Они на поваленных берёзах растут, хорошие грибы» (Чухлома); «Про корейские опята слыхивала! Корейский опёнок — он

¹⁵ Ср. другие варианты воплощения признака множественности, характерного для номинации опят, к примеру, моск. *станичник*: «Станишник — этъ грип такой, осенью събирают, он станицьми <группами> растёт» [Иванова 1969: 490–491], башк., орл. *семейник* [ЛЯРНГ, 1: 640–641].

тот же опёнок, только осенью растёт. Двух сортов бывают опята, весенние и осенние, одни хорошие и вторые хорошие» (Аниково); «Корейских опят мы набрали один раз с сыном две бельевые корзины. Их по осени очень много» (Чухлома); «Есть прайские опята, а есть корейские. Корейские на пнях растут кругами осенью, а прайские весенние» (Федоровское); «Нажарила корейских опят с картошечкой, все их любим! Осенью корейские опята, а летом прайские» (Ножкино); «У корейских опят тонкая ножка, растут на берёзовых пнях» (Нелидово); «Корейские опята — они тёмные такие, черноватые» (Ожиганово). Приведем и контекст из Солигаличского района: «Корейские опята осенью, очень много растут, их только сушат, а потом в супы такие можно класть» (Большой Починок). На основе этого сочетания отмечен и суботстантиват: *корейка* 'опенок осенний': «У нас есть весенние, летние и осенние опята. Осенние опята ещё у нас называют корейки. Я с детства эти грибы знаю» (Чухлома).

Ничего подобного в русских говорах, кажется, не зафиксировано. При этом связи с Кореей информанты не усматривают. Одна из наших собеседниц средних лет, продавщица магазина в Чухломе, которая слышала сочетание *корейские опята*, но не использует его, предположила (с изрядной долей сомнения), что в нем отражены представления о корейских соленьях и маринадах (ведь опята часто маринуются). Однако корейские соленья для российского потребителя являются относительно «новомодными», в деревенской традиции почти не используются, а *корейские опята* записаны сотрудниками [ЛКТЭ] в чухломских говорах еще в 1978 г. (не говоря о том, что многие информанты, в том числе те, кому за 80–90 лет, утверждают, что знают это наименование с детства).

Для этимологизации этого слова значимо противопоставление *корейский* — *прайский* (*праський*), которое проявляется в ряде контекстов. *Прайский* (*праський*) *опенок* — в нашем случае *весенний* / *летний* / *луговой*, отличающийся от *корейского* временем произрастания, а иногда и местом (не дерево)¹⁶: «Праськие опята, они весной растут» (С-Гал, Денисово), «Прайские опята на лугах, на полянах, на опушках» (Чухл, Чухлома). *Прайский*, *праський* — лексикализованные фонетические варианты прилаг. *правский* (с корнем *прав-*): «В севернорусских и переходных окающих говорах многочисленными собирателями широко фиксировалось прилагательное *правский* (*праский*) в ряде значений, объединенных инвариантом 'обладающий высоким качеством, настоящий, действительный (в противоположность поддельному), хороший, исправный' (влг., костр., яросл., вят., твер.,

¹⁶ Если иметь в виду научную микологическую классификацию, то речь может идти о разных видах — *Marasmius oreades*, *Agaricus mutabilis* и др.

влад.)» [Войтенко 1997: 33]; ср. также статьи *п^{рав}ский* и *п^{рав}ско́й*, *п^{рас}кий* и *п^{рас}ский* в [СРНГ, 31: 61, 68]. Помимо упрощения *вск* → *ск*, на морфемном шве возможны также иные комбинаторные изменения: *вск* → *цк* (*цк*), *ськ*, *жск*, *йск*, ср. яросл. *п^{ра}цкий*, *по-п^{ря}ски*, *по-п^{ра}цьки* [ЯОС, 8: 81, 64]; влг. *п^{ра}жский* *эгель*, *п^{ра}жский* *дидель* [КСГРС]; костр. *неп^{ра}йский* [СРНГ 21: 125]; при этом последний вариант — *неп^{ра}йский* — отмечен именно в галлических говорах, в число которых входят солигаличские и чухломские.

В семантике этого прилагательного обычно заложено скрытое или явное противопоставление менее качественному / худшему / ненастоящему / непригодному и т. п.; в применении к растениям это может проявляться так: влг., тобол. *дидель п^{рав}ской* ‘растение *Angelica silvestris* L., сем. зонтичных; дудник лесной’ («стебли, освобожденные от коры, в молодом возрасте едят») — влг. *дидель собачий* ‘растение *Cicuta* L., сем. зонтичных; цикута, веж’ [СРНГ, 8: 53]; костр. *эгель п^{рас}кой* — *эгель неп^{рас}кой* ‘то же’ [ЛКТЭ]; моск. *п^{ра}цкая береза* ‘береза, которую можно ломать на веники’ — *глухая береза* ‘береза, которую нельзя ломать на веники’ [Войтенко 1997: 33–34] и др.

Прилагательное *п^{рав}ский* с фонетическими и словообразовательными вариантами ожидаемо используется и при характеристике грибов, при этом можно выделить такие смысловые оттенки: «хороший или лучший (гриб)», «(гриб) считающийся более качественным, чем другой, похожий на него», «съедобный (гриб) в сравнении с несъедобным»; указанные смыслы, разумеется, могут накладываться друг на друга: свердл. *зап^{рав}ский груздь* ‘сырой груздь (в противопоставлении сухому)’ [СРГСУ/Д: 187], башк. *изоп^{рав}ский* ‘хороший, настоящий’: «Изопрафских грибоф у нас нет» [СРГБаш: 130], нвсиб. *оп^{рав}ский груздь* ‘груздь желтого цвета’ [СРГНО: 110], *п^{рав}ский гриб* нижегор. ‘груздь’ [ЛАРНГ, 1: 621], вят. ‘белый гриб’ [ОСВГ, 8: 205], перм. *п^{рав}ский г^{ру}зель* ‘груздь настоящий, не ложный груздь-скрипун’ [Пермякова 2012: 222], яросл. *п^{рав}ская волнуха* [ЯОС/Д, 2: 201], костр., яросл. *п^{рас}кий гриб* ‘съедобный гриб’: «Вот, говорит, это праский гриб — не поганка» (костр.) [ЛАРНГ, 1: 585; ЛКТЭ] и т. п. В субстантивном варианте миконим с этим корнем может нести смысл «самый распространенный, ходовой гриб», ср. костр. *п^{рас}кови́к*, *п^{рас}тови́к* ‘подберезовик’: «Подберёзовик у нас прасковик называют: может, потому что простенький такой», «Прасковики мы собираем тут часто», «Прастовики сереньки, жарили, варили, солили — самой ходовой гриб» [ЛКТЭ], яросл. *п^{рас}кови́к* ‘то же’ [ЯОС/Д, 2: 202]. Как уже говорилось, опять нуждаются в оппозитивных номинациях для разграничения многочисленных разновидностей (как грузди и некоторые другие грибы), ср. морд. *позуп^{рас}кий*¹⁷ *опёнок*

¹⁷ Позупраский < *позаправский.

‘опенок осенний’ — морд. *бешеный опенок* ‘ложный опенок’ [Семенкова 2007: 283], костр. *п ráвский опёнок* ‘съедобный опенок’ — *неп ráвский опёнок* ‘ложный опенок’ [ЛКТЭ]. Как мотивирована оппозиция *корейский опенок* — *п райский опенок*? Однозначно ответить на этот вопрос трудно. Мы задавали информантам вопрос о том, почему *весенние (летние, луговые) опята* называются *п райскими* и значит ли это, что они ценнее *корейских*. Ответы свидетельствовали о том, что мотивация слова *п райский* не осознается, при этом обе разновидности опят считаются съедобными. Выскажем только одно предположение: если оппозиция *п райский* — *корейский* «не перевернута» вследствие деэтимологизации, то, возможно, *корейские грибы* «необычны» по сравнению с *п райскими*, потому что растут на дереве, а не на земле (а мы неоднократно встречались с тем, что носители традиции с опаской относятся к древесным грибам; как говорилось выше, опята тоже не являются грибами, чья ценность безоговорочна).

Последнее обстоятельство наталкивает на мысль о первоначальном облике и мотивации прилагательного *корейский*. Облик воссоздается из уравнения *п ráвский : п ráйский = x : корéйский*, где *x = *корéвский*, слово, входящее в гнездо *кор-* ‘кора’ и имеющее внутреннюю форму «**связанный с древесной корой**». Мотивационная параллель — арх. *сокорёныш* ‘опенок’ («Йещё обапки йесьть сокорёнышы, они у вас опёнышы называюца») [Нефедова 1997: 129]: это название, по мнению Е. А. Нефедовой, отражает способ произрастания гриба [Там же], ср. также тульск. *деревянный* ‘гриб рода *Armillaria*; опёнок’: «Опёнки, они на пнях растут, вот и зовём их деревянными» [СТулГ, 1: 202]. Производящее трудно восстановить с точностью; наиболее вероятно в этой роли собирательная форма *корьё* ‘любая кора¹⁸’, которая широко распространена в севернорусских говорах, в том числе в костромских [ЛКТЭ]; в плане словообразования ср. *корьё* — *корейский* = *семья* — *семейский*. Возможны и другие версии. Так, в костромских говорах есть слово *кóрево* ‘кора’ [Там же], от которого могло образоваться прилагательное **коревский*, давшее *корейский*; однако эта форма раритетна (2 фиксации). Допустимо предположить, что производящей стала и какая-то лексическая единица из числа вариантов общенародного *коряга* — *корёга* (частотное), *кóрёга* (редкое) [Там же]; фонетически это возможно главным образом вследствие деэтимологизации.

Итак, *корейские опята*, по нашему мнению, — номинация по месту произрастания («опята, связанные с корой / корягой»); *корейский* относится к гнезду *кор-*.

¹⁸ Чаще всего подразумевается ивовая кора, поскольку ее специально драли, но слово *корьё* выступает и как гипероним.

Тученки

Слово *ту́ченка* обозначает пластинчатый гриб с синеватой (серо-бурой) шляпкой, который обычно идет на засолку. Оно имеет практически непрерывный и достаточно компактный ареал: отмечается на северо-востоке Беломорской Карелии и на западе Архангельской области (есть одна спорная фиксация на северо-западе Вологодчины). Наиболее объемно оно зафиксировано сотрудниками ТЭ Уральского университета в Беломорском районе Карелии в значении '**гриб *Lactarius flexuosus*, серушка**': «Тученки — волнухи синеватые, стального цвета, как туча» (Сумский Посад), «Тёмненький цвет у тученки, тёмно-фиолетовый» (Сумский Посад), «Тученка — волнуха, толстененькая, тёмная, больше сера, синевата» (Лапино), «Тученка — хорошая волнуха, а белянки — беленькие такие волнушки, они хуже» (Беломорск), «Сумляне <жители с. Сумский Посад> все тученки собирают, это у них фирменные грибы» (Шуерецкое), «Волнушки у нас: грузди, тученки, лубянки, красные волнушки. Тученка сероватая и толстая, лубянка светлая» (Лапино), «Тученки такие ближе к коричневому, сероватые, темноватые. Лубянки светленькие. Это волнушки» (Сумский Посад), «Тученки, белянки съедобные, но мы не собираем, мы белые грибы собираем» (Вирма), «Собирали тученки, лубянки, грузди. Тученки посолят — и всё» (Колежма), «Тученка тёмная, а лубянка светлая. Тученки солить следует» (Лапино), «Тученок не стало, редко попадаются теперь» (Сальнаволоок). К этим контекстам надо сделать важное уточнение: слово *волнушка* или *волнуха*, выступающее по отношению к *тученке* как гипероним, является на этой территории семантическим диалектизмом, обозначая 'любой съедобный пластинчатый гриб' [КСГРС; АОС, 5: 38; СГРС, 2: 150–151] (в отличие от литер. *волнушка* 'съедобный пластинчатый гриб с волнистой розовой или белой шляпкой'). Это позволяет внести коррективы в дефиниции некоторых других словарей, приводящих данные по Беломорскому и соседнему Кемскому районам Карелии: беломор. *ту́цанка* 'съедобный гриб волнушка' [Дуров 2011: 412], беломор. *ту́ченка* 'волнушка хорошего качества': «Тученка — плотная волнушка» (Сумский Посад) [Мызников 2021: 513], кем., беломор. *ту́ченка*, *ту́чанка* 'съедобный гриб волнушка, используемый для засолки': «Ту́чанки — беленьки грибы, вкусны, по берегам растут, о пожни, о еловой губы вот растут», «Ту́ченки — волнушки, оны толсты, буры, не червивятся, их солят» [СРГК, 6: 541]. В соседней Архангельской области интересующее нас слово отмечено в пинежских говорах, ср. *ту́ченка* 'гриб черный груздь': «Чёрная есть волнушка, чёрная, большие шляпочки-то толстые, тая называется тученка» [СРНГ, 45: 305].

Количество фиксаций этой лексемы увеличивается, если учесть, что в [СРГК] в двух случаях оно представлено в словарных статьях на другие

слова (но эти фиксации отсутствуют в статье *тученка*): белом. *туча́нка*: «Тучанки, их солили раньше. А пыхкалки — наступишь, с них дым идет» — в статье *пыхкалка* ‘гриб дождевик’ [СРГК, 5: 370], выт. «В молодяге растут волнухи, тученки» — в статье *молодяга* ‘густые хвойные заросли’ [Там же: 250]. Последняя запись сделана в Вытегорском районе, находящемся на западе Вологодской области.

Для многих зон можно назвать грибы, которые считаются одним из своеобразных этнографических маркеров территории — и этот статус им приписывается извне или изнутри (названные позиции могут совпадать). Здесь речь идет не столько об особой ценности гриба, сколько о пристрастии к нему населения, выделяющем его из общей «грибницы». *Тученки* — внешний и внутренний маркер знаменитого беломорского села Сумский Посад; есть даже присловье о его девушках (*сумлянках*), которое в диссертации Н. В. Дранниковой подано так: «Тучанки — лубянки; красавицы — сумлянки» (с комментарием «*тучанками* назывались белые грибы») [Дранникова 2005: 99]. Данные о том, что *тучанки* — белые грибы, не подтвердились нами во время полевых работ в Сумском Посаде; само присловье оказалось верным, но, кажется, пунктуационно его следует оформить так: «Тученки-лубянки, красавицы-сумлянки» [КСГРС], поскольку *тученки* — это не разновидность *лубянок*, а «рядоположенные» им грибы¹⁹, и эта пара грибов весьма популярна у жителей Сумского Посада (а за грибами чаще всего ходили девушки).

Словом *тученка* в разных микроразнообразиях могут называться различные пластинчатые грибы с темной шляпкой, но наиболее вероятно, что основным объектом номинации является, как говорилось выше, гриб серушка. Участники полевых выездов отмечают, что серушки популярны в Карелии и Архангельской области. В микологической литературе говорится о таких свойствах этого гриба, которые важно учесть в нашей работе: ■ цвет шляпки определяется как лилово-серый, серовато-свинцовый, серовато-фиолетовый, коричневатый-серый; ■ есть наименования по цвету шляпки (*горькуха серая*, *груздь лиловый*, *груздь серо-лиловатый*, *серуха*, *серяк*, *серянка* и др.); ■ растет в северной половине лесной зоны европейской части страны; ■ по вкусовым качествам многие оценивают серушку выше волнушки; ■ используется только для засола после отваривания или тщательного вымачивания [Смирняков и др. 1992: 75; ЖР: 311].

Слово *тученка* легко соотносится с производящим *туча*, в плане словообразования ср. влад. *ту́ченка* ‘небольшая туча’: «Эта тученка мимо пройдет»

¹⁹ Лубянка — родственный *тученкам* гриб *Lactarius trivialis*, гладыш или млечник обыкновенный [КСГРС].

[ВОС: 117]. Этимологических проблем здесь нет, но есть мотивологическая, связанная с выбором сферы образного отождествления: дело в том, что в русской миконимии (и шире — фитонимии), богатой и разнообразной, кажется, нет ни одного названия гриба, который бы сопоставлялся с тучей (или другим небесно-метеорологическим явлением) по признаку цвета. Фиксируются лишь «громовые» миконимы (*громовики*), в основу которых положен темпоральный признак: грибы (сморчки) появляются весной после первых гроз. Цветовая метеорологическая метафора для русской миконимии выглядит необычно.

Решение подсказывается ареалом миконима: северо-восток беломорской Карелии, запад Архангельской области и северо-запад Вологодской — зона интенсивного русско-прибалтийско-финского контактирования, особенно русско-карельского. Мысль о возможном прибалтийско-финском влиянии обрела реальные очертания во время нашей экспедиционной работы в деревне Колвица, находящейся в Кандалакшском районе Мурманской области, на западном берегу Белого моря. Многие информанты в этой деревне — карельско-русские билингвы: Колвица была основана в конце XIX в. как карельское поселение, постепенно сюда начали приезжать и русские, а карелы осваивали русский язык (об истории Колвицы и особенностях языковых контактов см. в [Кузьмин 2022]). Одним из результатов взаимодействия языков закономерно стало карельско-русское калькирование, см. примеры топонимических калек и полукалек [Там же: 135]. Когда мы разговаривали о грибах и речь зашла о *серушках* (вопрос задавался «от реалии», а не «от слова»), три информантки независимо друг от друга сказали, что с детства знали карельское название грибов *пильвишийнет*, а затем идентифицировали его с обозначением *серушки*, которое слышали от русских. Внутренняя форма слова *пильвишийнет* для всех информанток прозрачна — «**тучевые (облачные) грибы**»: *пильви* ‘туча, облако’, *шийнет* ‘грибы’ (эти слова приводятся в русской графике так, как записали их, по нашей просьбе, информантки, которые затрудняются в воспроизведении карельской графики). Ср. текстовый комментарий носительницы традиции: «Собирали грибы такие, с детства звали пильвишийнет. Похожи на волнушки. Я так понимаю, гриб как туча. Синий, цветом на тучу похож. А у русских их зовут серушками. И карелы, и русские их собирали. Они плотные, бабушка их солила. Мы сейчас серушками зовём больше, карельское слово из детства вспоминаем».

Это слово есть в «Словаре собственно-карельских говоров Карелии»: *pilvi|šien'i* (Калевальский, Муезерский р-ны), *pilvi|sien'i* (Муезерский р-н) ‘гриб серушка’ [ССКГ: 443] = *pilvi* ‘облако, туча’ + *šien'i*, *sien'i* ‘гриб’ [Там же: 443, 559]; ср. также форму с уменьшительным суффиксом: *pilvon'i*

<тучка> (Калевальский район): «*Pilvošie šuolattih*» <Серушки солили> [Там же]. В словаре «*Karjalan kielen sanakirja*» лексема подается в виде *pilvišienī, pilvišienī* с дефиницией ‘сыроежка’ [KKS], но, судя по примерам, по крайней мере в ливвиковском наречии карельского языка имеется в виду серушка. В этимологическом словаре финского языка *pilvisieni* приводится в ряду фин. *pilpero*, карел. *pilpo(i)*, эст. *pilvik* ‘сыроежка (hapero)’. Эти миконимы возводятся к *pilpa, pilva* ‘крошка, кусочек, осколок’ с мотивацией «легко ломающийся, разламывающийся»; параллель можно усмотреть в *hapero* ‘сыроежка’ ← *hapera* ‘хрупкий, ломкий, непрочный’ [SSA, 2: 365]. Иначе говоря, карел. *pilvi|šien’i* отражает переосмысление мотивации номинации по признаку цвета (на основе фонетического сходства слов)²⁰.

Как бы ни этимологизировалось карельское слово, в синхронном бытовании оно легко читается носителями языка как «туча-гриб». Логично заключить, что лексема *pilvi|šien’i* стала источником калькирования, **результат которого — рус. карел., арх., влг. тученка**, распространенное в зоне интенсивных русско-карельских контактов²¹.

Литература

- Аникин 2003 — А. Е. Аникин. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск, 2003.
- АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980—. Вып. 1—.
- Арьянова 2007 — В. Г. Арьянова. Словарь фитонимов Среднего Приобья. Т. 2: Л—Т. Томск, 2007.
- Бјелетић 2006 — М. Бјелетић. Исковрнути глаголи: Типови експресивних превербалних форманата (на српском и хрватском језичком материјалу). Београд, 2006.

²⁰ Сердечное спасибо И. И. Муллонен за помощь в идентификации карельского слова и комментарий к его этимологической интерпретации.

²¹ Возможно, сходным путем появился миконим *лунный груздь* (*ельничный груздь*) ‘**гриб** *Lactarius repraesentaneus*, **груздь** *синеющий*’, который записан нами в селе Княжая Губа Кандалакшского района Мурманской области. Две информантки, знающие это слово, говорят преимущественно на русском языке, но имеют карело-язычных родственников и помнят некоторые карельские слова (недостаточно, чтобы считаться билингвами). Мотивация объясняется контекстом: «Лунные грузди собирали, шляпка жёлтая-жёлтая, как луна, сопливая. А ножка синее, как срежешь. Растёт под ёлками, иногда зовут ельничный груздь». Вот толкование этого названия, которое предложено И. И. Муллонен: «Этот гриб по-карельски именуется *kuusi|sieni* <ель-гриб>. На границе двух элементов сложного именования выпадает *i*, остаётся *kuussieni*, в котором *ss* преобразуется в одиночный *s*. Возникает форма *kuusi|sieni*, являющаяся результатом переразложения и переосмысления: *kuu-* ‘луна’ + *-sieni* ‘гриб’».

- Вендина 2009 — *Т. И. Вендина*. Карта Л 165 Опенок // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2009 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб., 2009. С. 466–478.
- Войтенко 1997 — *А. Ф. Войтенко*. Лексические различия на территории Московской области (Лексикографическая, лексикологическая и лингвогеографическая характеристика). Дис. ... докт. филол. наук / Моск. пед. ун-т. М., 1997.
- Вологодское словечко — Вологодское словечко: Школьный словарь диалектной лексики / Отв. ред. Л. Ю. Зорина. Изд. 2-е, испр. и доп. Вологда, 2011.
- ВОС — Владимирский областной словарь: лексика природы / Р. С. Канунова, Е. М. Матсапаева, К. В. Епифанова. Владимир, 2012.
- ВС — Вершининский словарь. Т. 4: Н–О / Гл. ред. О. И. Блинова. Томск, 2001.
- Ганцовская 2015 — *Н. С. Ганцовская*. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома; М., 2015.
- Горленко и др. 1980 — Грибы СССР / М. В. Горленко, М. А. Бондарцева, Л. В. Гарибова и др.; Отв. ред. М. В. Горленко. М., 1980. (Справочники-определители географа и путешественника).
- Горянинов 1848 — *П. Горянинов*. Грибы, плесени и пылевика в медико-полицейском и других отношениях. СПб., 1848.
- Даль₃ — *В. И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / [соч.] Владимира Даля. 3-е, испр. и знач. доп. изд. под ред. [и с предисл.] проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. СПб.; М., 1903–1909.
- Дилакторский 2006 — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / Изд. подгот. А. И. Левичкин, С. А. Мызников. СПб., 2006.
- Дранникова 2005 — *Н. В. Дранникова*. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре: функциональность, жанровая система, этнопоэтика. Дис. ... докт. филол. наук / Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького РАН. Архангельск, 2005.
- Дуров 2011 — *И. М. Дуров*. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / Отв. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск, 2011.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови: У 7 т. / Голов. ред. О. С. Мельничук. Т. 1–6. Київ, 1982–2012.
- Жмурко 2001 — *О. И. Жмурко*. Лексика природы: Опыт тематического словаря говоров Ивановской области. Иваново, 2001.
- ЖР — Жизнь растений: В 6 т. / Гл. ред. чл.-кор. АН СССР, проф. Ал. А. Федоров. Т. 2. Грибы / Под. ред. проф. М. В. Горленко. М., 1976.
- Иванова 1969 — *А. Ф. Иванова*. Словарь говоров Подмосковья: [Учеб.-метод. пособие для лит. фак.]. М., 1969.
- КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского университета, Екатеринбург).

- Кузьмин 2022 — *Д. В. Кузьмин*. Историко-культурный потенциал топонимии карельской деревни Колвица на Кольском полуострове // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19, № 2. С. 127–163.
- Кузьмина 2002 — *Е. Б. Кузьмина*. Названия грибов в структуре словообразовательных гнезд (на материале псковских говоров). Дис. ... канд. филол. наук / Псковский гос. пед. ин-т. Псков, 2002.
- ЛАРНГ 1 — Лексический атлас русских народных говоров (ЛАРНГ): Т. 1. Растительный мир / Отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб., 2017.
- ЛКТЭ — Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- Малеча 1–4 — *Н. М. Малеча*. Словарь говоров уральских (яицких) казаков: В 4 т. Оренбург, 2002–2003.
- Меркулова 1967 — *В. А. Меркулова*. Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды. М., 1967.
- Михайлова 2013 — *Л. П. Михайлова*. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск; М., 2013.
- Мызников 2021 — *С. А. Мызников*. Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия: опыт комплексного исследования. М.; СПб., 2021.
- Мызников РДЭС — *С. А. Мызников*. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб., 2019.
- Нефедова 1997 — *Е. А. Нефедова*. Микологическая лексика архангельских говоров. Дис. ... канд. филол. наук / Моск. гос. ун-т. М., 1997.
- Нефедова 2002 — *Е. А. Нефедова*. Диалектные лексические микросистемы в ареальном аспекте // Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения чл.-кор. Р. И. Аванесова / Отв. ред. Н. Н. Пшеничнова. М., 2002. С. 94–103.
- НОС — Новгородский областной словарь / Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб., 2010.
- Опыт/Д — Дополнения к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / Под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров, 1996–2018. Вып. 1–12.
- Орлов 1953 — *Н. И. Орлов*. Съедобные и ядовитые грибы, грибные отравления и их профилактика. М., 1953.
- Пермякова 2012 — *Л. А. Пермякова*. Миконимическая лексика пермских говоров; семантический, ономазиологический и лингвосемиотический аспекты. Дис. ... канд. филол. наук / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2012.
- Петлева 1996 — *И. П. Петлева*. Архаические префиксы в русских говорах // Этимологические исследования. Вып. 6: Материалы I–II научных совещаний по русской диалектной этимологии, Екатеринбург, 10–12 окт. 1991 г., 17–19 апр. 1996 г. Екатеринбург, 1996. С. 31–38.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / Редкол. Б. А. Ларин и др. Л./СПб., 1967–. Вып. 1–.

- Саркина 2018 — *И. С. Саркина*. Грибы знакомые и незнакомые. Справочник-определитель грибов Крыма. 3-е изд., доп. Симферополь, 2018.
- СВГ — Словарь вологодских говоров: В 12 т. / Под ред. Т. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной. Вологда, 1983–2007.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева (Вып. 1–4), М. Э. Рут (Вып. 5–). Екатеринбург, 2001–. Вып. 1–.
- СГРС/Д — Словарь говоров Русского Севера. Дополнительные материалы: А–М / Гл. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург, 2024.
- Селигер — Селигер: Материалы по русской диалектологии: словарь / Под ред. А. С. Герда. Вып. 1–8. СПб., 2003–2020.
- Семенкова 2007 — *Р. В. Семенкова*. Фразеологический словарь русских говоров Республики Мордовия. Саранск, 2007.
- Сенк-Шеленгевич 2009 — *О. Сенк-Шеленгевич*. Структурно-семантическая организация и функционирование номинаций грибов в русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М., 2009.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Ред. С. Г. Бархударов и др. М., 1975–. Вып. 1–.
- Смирняков и др. — Спутник грибника: Справочное пособие / Ю. И. Смирняков, А. К. Кошечев, А. А. Кошечев. М., 1992.
- СОСВ — Словарь образных слов и выражений народного говора / Под ред. О. И. Блиновой. Томск, 2001.
- СРГБаш — Словарь русских говоров Башкирии: А–Я / Под ред. З. П. Здобновой. Уфа, 2008.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 вып. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005.
- СРГНО — Словарь русских говоров Новосибирской области / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1979.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 т. / Под ред. А. К. Матвеева. Свердловск, 1964–1987.
- СРГСУ/Д — Словарь русских говоров Среднего Урала: Дополнения / Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (Вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (Вып. 23–42); С. А. Мызников (Вып. 43–). М.; Л.; СПб., 1965–. Вып. 1–.
- СРРТ — Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII — начала XVIII века / Под ред. В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. Томск, 2002.
- ССКГ — Словарь собственно-карельских говоров Карелии / Сост. В. П. Федотова, Т. П. Бойко; под общ. ред. В. П. Федотовой. Петрозаводск, 2009.
- СТулГ — Словарь тульских говоров. Ч. 1: А–Д / Д. А. Романов, Н. А. Красовская. Тула, 2015.
- Топоров 2004 — *В. Н. Топоров*. Исследования по этимологии и семантике. Т. I: Теория и некоторые частные ее приложения. М., 2004. (*Opera etymologica*. Звук и смысл).

- Фасмер 1–4 — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1973.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Ред. Г. А. Цыхун. Мінск, 1978–. Т. 1–.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева, Ж. Ж. Варбот. М., 1974–. Вып.1–.
- ЯОС — Ярославский областной словарь: В 10 вып. / Науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.
- ЯОС/Д — Ярославский областной словарь: Дополнения: В 2 т. / Под науч. ред. Т. К. Ховриной. Ярославль, 2015.
- KKS — Karjalan kielen sanakirja. URL: <http://kaino.kotus.fi/kks/>
- SSA — *E. Itkonen, U. Kulonen*. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1992–2000.